

³¹ Burckhard H. Andreas Gaill. Festrede zur Feier des 305. Stiftungstages der koniglichen Julius-Maximilians-Universitat. Wurzburg, 1887. S. 4.

³² Moraw P. Ebd. S. 146.

Житько Елена Васильевна – аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Л.П. Сушкевич.

В.И. МЕНЬКОВСКИЙ

ДИСКУССИЯ О МАСШТАБАХ «СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из положительных черт постперестроечного периода является процесс сближения между российскими, американскими и европейскими историками. Отражением этой ситуации стало продолжение изучения одного из самых острых и дискуссионных вопросов истории сталинского периода – оценки масштабов террора 1930-х гг., остававшейся предметом спора в англо-американской советологии в течение всего послевоенного периода. Долгие годы исследователи не имели доступа к достоверным данным и могли опираться только на недокументированные свидетельства, значительно отличавшиеся друг от друга, проверить которые было невозможно.

Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личностей или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляли жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не давал таких возможностей, не обеспечивал неприкосновенность даже для конформистов. Как писал З. Бжезинский, в условиях террора «неудача может означать потерю жизни, но даже успех не гарантирует свободу и безопасность»¹.

А. Даллин и Г. Бреслауэр подчеркивали, что из всех инструментов, имеющихся в арсенале государства, террор является крайним средством, к которому оно прибегает тогда, когда все остальные исчерпаны. В определенном смысле террор во внутренней политике равнозначен войне во внешней – любое правительство предпочтет использовать более ограниченные или общепринятые средства для сохранения или укрепления своих позиций. Но сама способность режима прибегать к террору может позволить достигать намеченные цели без его использования. Угроза произвольного насилия может быть такой же действенной, как его применение².

Рассматривая террор как важную составляющую сталинской системы, анализируя различные его стороны, англо-американские авторы не всегда имели возможность дать общую количественную оценку влияния сталинизма на демографическую ситуацию в СССР. Первым серьезным исследованием данной проблематики стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагерь принудительного труда в Советском Союзе», опубликованная в 1947 г.³ Для выявления масштабов применения принудительного труда авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступавших в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях.

В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчета численности заключенных в лагерях. Он проанализировал количество людей, не

¹ Здесь и далее – перевод с английского автора.

принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключенных в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел.⁴

В 1952 г. был опубликован официальный доклад Госдепартамента США о принудительном труде в Советском Союзе⁵. В нем приводились данные Н. Тимашеффа, Д. Даллина и Б. Николаевского, Н. Ясного, ряда других исследователей. В докладе подчеркивалось, что точная цифра советских заключенных в лагерях ГУЛАГа не может быть названа из-за отсутствия официальной информации, а цифры, приводимые различными экспертами, колеблются от 2 до 20 млн чел.⁶ Похожая оценка была повторена в докладе Госдепартамента в 1960 г., где отмечалось, что данные о количестве заключенных, приведенные западными исследователями в предвоенном СССР, колеблются от 3,3 до 13,5 млн чел. и выше, но эксперты Госдепартамента считали их явно завышенными⁷.

В 1959 г. Г. Вул, используя методику Н. Тимашеффа, проанализировал участие советских граждан в выборах 1937–1939 гг. и оценил численность заключенных приблизительно в 3 млн чел.⁸ В 1965 г. С. Сваниевич опубликовал работу «Принудительный труд и экономическое развитие: изучение опыта советской индустриализации», в которой на основании изучения советской экономической статистики и свидетельств беженцев из СССР оценил использование принудительного труда в советской экономике в 6–9 млн чел.⁹ В 1968 г. вышла в свет книга Р. Конквеста «Большой террор», где также определялось количество заключенных в лагерях, арестов, расстрелов. Автор использовал разнообразные доступные статистические источники, свидетельства эмигрантов и бывших заключенных. Он оценил численность арестованных в 1930-е гг. в 8–9 млн чел.¹⁰

В 1980-е гг. дискуссия о масштабах применения принудительного труда в сталинском Советском Союзе, о количестве пострадавших вновь стала объектом внимания англо-американской историографии в связи с появлением новых методик оценки, публикацией некоторых новых демографических данных в советской печати, более широким применением в советологии моделей, используемых другими социальными науками. Несколько авторов, среди которых в первую очередь следует назвать С. Росефелде, С. Уиткрофта, Р. Конквеста, вели между собой постоянную полемику на страницах научных журналов. Дискуссия, начатая статьей С. Росефелде в январском (1981 г.) номере журнала «Советские исследования» и ответом С. Уиткрофта в апрельском (1981 г.) номере того же издания¹¹, на протяжении всех 1980-х гг. становилась все более острой, приобретая политическую и личностную окраску. Только после частичного открытия советских и российских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. появились принципиально новые, хотя неокончателные возможности для анализа ее острых моментов.

В указанной статье С. Росефелде писал, что, хотя англо-американская литература о сталинском терроре достаточно обширна, количественные оценки применения принудительного труда слишком фрагментарны и неточны. Поэтому он считал нужным вновь продолжить обсуждение этого вопроса. С. Росефелде использовал доступные документы, опубликованные источники, официальные материалы, свидетельства очевидцев, исследования экономической и демографической статистики. Согласно названным работам ученого численность заключенных ГУЛАГа составила 9–10 млн чел. С. Уиткрофту эти данные представлялись завышенными. По его оценкам, в советских концентрационных лагерях в конце 1930-х гг. не могло находиться более 4–5 млн чел.

В публикации «Сверхнормативные смерти в Советском Союзе: переосмотр демографических последствий ускоренной индустриализации

1929–1949 гг.» С. Росефелде, анализируя общие потери населения СССР в сталинские годы, отметил, что сверхнормативные потери советского населения в 1926–1939 гг. колеблются в западной научной литературе от 5,5 млн до 20,6 млн чел.¹² Он пришел к выводу, что в СССР в результате коллективизации, индустриализации, массового террора в 1929–1949 гг. (без военных потерь) погибли 21,4–24,4 млн взрослых и 7,2–8 млн детей. В следующей публикации в журнале «Славянское обозрение» он уточнил показатели о потерях населения в 1929–1937 гг., назвав цифру 16,5 млн чел.¹³ С. Уиткрофт назвал эти оценки «еще одной “клюквой” от С. Росефелде», отметив их абсолютно ненаучный, с его точки зрения, характер. Он писал, что память о миллионах погибших в годы сталинизма «не следует подвергать инфляции» и что нет никаких демографических свидетельств о потерях советского населения в 1926–1939 гг. более 6 млн чел. или более 3–4 млн чел. в период коллективизации. Признание этих «низких» цифр не равносильно предательству погибших или оправданию сталинизма, так как они есть следование научной точности, а не эмоциям¹⁴. Точку зрения С. Уиткрофта поддержали также Б. Андерсен и Б. Силвер, оценившие ситуацию в Советском Союзе 1930-х гг. с позиций демографического анализа¹⁵.

Однако подход Б. Андерсена, Б. Силвера и С. Уиткрофта был подвергнут резкой критике Р. Конквестом. Он не отстаивал оценки С. Росефелде, в которых находил много ошибок, но выступил против применения по отношению к сталинскому Советскому Союзу методик, используемых при изучении демографической ситуации в других странах и при иных условиях. Р. Конквест настаивал на необходимости корректировки официальных советских данных с помощью свидетельств очевидцев и эмигрантов, поскольку советская демографическая статистика неоднократно подтасовывалась властью в политических целях. Он не считал также, что для оценки сталинизма не имеет значения, сколько миллионов людей было уничтожено. Разница в моральной оценке убийства миллионов или десятков миллионов, действительно, не очень велика, но все-таки она существует и имеет как историческую, так и общественную значимость¹⁶. В обновленном издании своей знаменитой работы «Большой террор» Р. Конквест назвал следующие цифры: к концу 1938 г. в лагерях находилось 7 млн чел., 1 млн чел. расстрелян и 2 млн умерли в лагерях¹⁷.

Новая ситуация, связанная с количественной оценкой жертв сталинских репрессий, возникла в западной советологии на рубеже 1980–1990-х гг., когда советская «гласность» дала возможность впервые включить в научный оборот архивные статистические данные о репрессивной политике сталинского режима. Англо-американские историки стали широко использовать советские и российские публикации, производить переоценку некоторых устоявшихся на Западе стереотипов. Например, статьи А. Ноува и М. Эллмана были полностью построены на основании публикаций советских ученых¹⁸. Но новые статистические данные были достаточно противоречивы и представляли возможность для различных трактовок. Так, в сборнике 1993 г. «Сталинский террор: новые перспективы» А. Ноув писал об 11 млн «сверхнормативных смертей» в СССР в 1927–1937 гг., а С. Уиткрофт – о 4–5 млн.¹⁹

Дж. Гетти и Т. Риттерспорн в совместной публикации с В. Земсковым указывали данные о репрессированных в предвоенные годы. Максимальное общее количество (включая ГУЛАГ, колонии и спецпоселения) пришлось на 1937 г. – 2,75 млн чел.²⁰ Авторы признавали, что приводимые ими цифры не могут рассматриваться как окончательные и требуют ряда уточнений. Новые же документы позволяли оценить масштабы сталинского террора и перевести его анализ на документальную базу. Дж. Гетти и Т. Риттерспорн

даже считали, что историки, изучающие данный аспект сталинизма, стали располагать более детальной документальной базой, чем исследователи германского нацизма²¹.

Однако далеко не все англо-американские исследователи полностью доверяли архивным данным, подчеркивая, что последствия политической манипуляции советской статистикой не могли не сказаться на архивных документах. Они не считали их фетишем и настаивали на таком же критическом анализе, которому должны подвергаться все исторические свидетельства. Подобная позиция вызвала резкую реакцию сторонников «низких цифр». С. Уиткрофт даже писал по этому поводу, что некоторые исследователи, например В. Лакер и Р. Конквест, кажется, верят в то, что должностные лица НКВД и ГУЛАГа не нуждались в реальной информации и специально фальсифицировали данные, чтобы ввести в заблуждение западных историков. Он указывал на наличие значительного массива секретных документов сталинского периода, введенных в научный оборот в 1990-е гг., и отрицал техническую возможность их умышленной фальсификации²².

В публикациях второй половины 1990-х гг. авторы повторяли аргументацию и лишь в небольшой степени изменяли приводимые количественные оценки. С. Росефелде в 1996–1997 гг. вновь подчеркивал, что демографические методы дают более точные данные, чем архивные, и называл цифру 9,7 млн «сверхнормативных смертей» в 1930–1937 гг., из которых не менее 5,2 млн были напрямую связаны с деятельностью НКВД²³. С. Уиткрофт, призвав историков дифференцированно относиться к «массовым репрессиям» и к «массовым убийствам», писал в 1996–1999 гг., что на Сталина может быть возложена ответственность за гибель около одного млн чел.²⁴

Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документов, точное количество жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названо. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хоуфом²⁵, или более 61,9 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем²⁶, представляются маргинальными, официальная же оценка так и не появилась. Ч. Фаирбанк справедливо отметил, что здравый смысл указывает на то, что множество людей было убито в годы сталинского террора, однако советология со своими средствами, специальными методами, углубленными исследованиями оказалась не способна четко сформулировать эту правду²⁷. Добавим лишь то, что правду оказались не способны сформулировать не только англо-американские и российские исследователи, но и официальные власти.

В соответствии с российским законодательством политическими репрессиями признаны различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями. В законе Российской Федерации от 23 мая 1995 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» отмечено, что за годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам.

В справке, подготовленной в 1954 г. для Н. Хрущева Генеральным прокурором СССР В. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, указывалось, что за период 1921–1954 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания было приговорено 642 980 чел.²⁸ Реабилитация лиц, репрессированных за так называемые “контрреволюционные преступления”, началась в середине 1950-х гг. и особенно активизировалась после XX съезда КПСС. В 1954–1961 гг. было реабилитировано более 700 тыс. чел. Однако с середины 1960-х до середины 1980-х гг. работа по реабилитации постепенно завершилась. Лишь в 1987 г. была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг. XX ст. В декабре 1992 г. была образована Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. Однако, по свидетельству А. Яковлева, возглавлявшего обе комиссии, точные данные о количестве репрессированных, которые бы основывались на документах, не известны до сегодняшнего дня²⁹.

¹ Brzezinski Z. *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge, 1956. P. 1.

² Dallin A., Breslauer G. *Political Terror in Communist Systems*. Stanford, 1970. P. 4.

³ Dallin D., Nikolaevsky B. *Forced Labour in Soviet Russia*. New Haven, 1947.

⁴ Timasheff N. *The Postwar Population of the Soviet Union* // *The American Journal of Sociology*. 1948. Vol. 54. P. 150.

⁵ US State Department. *A Red Paper on Forced Labour*. Washington, 1952. (Книга была также опубликована под названием *Forced Labour in the Soviet Union*. Washington, 1952)

⁶ US State Department. *A Red Paper on Forced Labour*. Washington, 1952. P. 4.

⁷ NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. *Current Penal Policy in the USSR*. 1960. October 3. P. 2.

⁸ Wool A. *Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union*. New York, 1959. P. 11, 102.

⁹ Swianiewicz S. *Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization*. London; New York, 1965. P. 292.

¹⁰ Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. New York, 1968. P. 702.

¹¹ Rosefielde S. *An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56* // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 1. P. 51–87; Wheatcroft S. *On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56* // 1981. Vol. 33. № 2. P. 265–295.

¹² Rosefielde S. *Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949* // *Soviet Studies*. 1983. Vol. 35. № 3. P. 385–409.

¹³ Rosefielde S. *Excess Collectivization Deaths 1929–1933: New Demographic Evidence* // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43. Is. 1. P. 88.

¹⁴ Wheatcroft S. *New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another Kluiikva from Steven Rosefielde* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 508.

¹⁵ Andersen B., Silver B. *Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 517–536; Andersen B., Silver B. *Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930's* // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 307–313.

¹⁶ Conquest R. *To the Editor* // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 295–298.

¹⁷ Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. New York, 1990. P. 486.

¹⁸ Nove A. *How Many Victims in the 1930's?-I* // *Soviet Studies*. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369–373; Nove A. *How Many Victims in the 1930's?-II* // *Soviet Studies*. 1990. Vol. 42. № 4. P. 811–815; Ellman M. *A Note on the Number of 1933 Famine Victims* // *Soviet Studies*. 1991. Vol. 43. № 2. P. 375–382.

¹⁹ *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; New York, 1993. P. 261, 275.

²⁰ Getty A., Rittersporn G., Zemskov V. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence* // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 4. P. 1021.

²¹ Getty A., Rittersporn G. *The Authors Reply* // *American Historical Review*. 1994. Vol. 99. Is. 3. P. 1041.

²² Wheatcroft S. *Review* // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 7. P. 1257.

²³ Rosefielde S. *Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930's* // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 46. Is. 6. P. 959–1258; Rosefielde S. *Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930's* // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321–331.

²⁴ Wheatcroft S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 8. P. 1319–1354; Wheatcroft S. Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data – Not the Last Word // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. Is. 2. P. 315–345.

²⁵ Hough J., Fainsod M. *How the Soviet Union is Governed*. Cambridge, 1979. P. 176–177.

²⁶ Rummel R. *Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917*. New Brunswick, 1990. P. 6.

²⁷ Fairbanks C. Reviews two books about Josef Stalin: *Stalin: Breaker of Nations*, by Robert Conquest and *The Great Terror: A Reassessment*, by Robert Conquest // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 3. P. 45–49.

²⁸ Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. (Статистико-географический аспект) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 152–153.

²⁹ Яковлев А. Омуг памяти. М., 2000. С. 432.

Меньковский Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

